

Широкая известность пришла к Алексею Николаевичу Арбузову с его «Таней», написанной в 1938 году. До этого были созданы «Шестеро любимых» и «Дальняя дорога», потом десятки своеобразных и разнообразных пьес. Среди них заслужили наибольшую популярность, пожалуй, «Домик на окраине», «Годы странствий», «Иркутская история», «Мой бедный Марат», «Сказки старого Арбата» и совсем недавняя «Старомодная комедия». Эти пьесы, а также некоторые не названные, ставятся в нашей стране и за границей вновь и вновь и почти всегда с успехом.

...И вот я у Алексея Николаевича в его квартире на Калининском проспекте. Мы знакомы с довоенной поры, но виделись нечасто, а обстоятельно разговаривали — так, как сегодня, и того реже.

Во время разговора Алексей Николаевич — в неторопливом движении. Походка, как и прежде, легкая, и каждый шаг отпечатывается мягко. Писатель — давний враг всяческой суеты, и эта убежденность наглядно иллюстрируется его поведением. Оно неизменно кажется артистичным и естественным...

На столе — вороха фотографий, привезенных из Англии. Там, в Бристольском театре, располагающем тремя сценами, в один и тот же день состоялись премьеры постановок трех пьес: «Сказки старого Арбата», «Вечерний свет» и «Мой бедный Марат». А в Лондоне знаменитая актриса Пегги Ашкрофт выбрала для спектакля в ознаменование 50-летия своего творчества «Старомодную комедию». Английские театралы утверждают: «У нас 1976 год стал годом Арбузова».

Алексей Николаевич рассказывает о том, как сыграна та или иная сцена, сравнивает трактовки советских и зарубежных режиссеров.

— А вот в Бухаресте... Он увлечен, как всегда, когда говорит о театре, — своей постоянной любви. Кажется, это единственный из ведущих наших драматургов, ни разу не поддавшийся искушению экранизировать как-либо из своих пьес. Только теперь он сделал исключение для «Старомодной комедии».

Слушаю рассказ Алексея Николаевича, а когда его отрывает очередной телефонный звонок (дела Московской секции драматургов, которую он возглавляет, и прочие, и прочие), вспоминаю...

Февраль 1941 года. Обширная 15-я аудитория ИФЛИ (Института истории, философии и литературы) переполнена студентами и многочисленными гостями. Обсуждается первый спектакль московской театральной студии, но все называют ее «Арбузовской», такой она и осталась в памяти. Обсуждение заинтересованное, пристрастное. Во главе студии вместе с Арбузовым — Валентин Плучек. Студийцы под руководством автора «Тани» написали пьесу «Город на заре» — о строителях комсомольского города в дальневосточной тайге, спектакль посвятили памяти А. М. Горького...

Спрашиваю Алексея Николаевича, какой из многих его успехов он ценит больше всех. За всю жизнь. Он отвечает, ни на секунду не задумавшись:

— «Город на заре»... Ведь это был успех не просто пьесы, а живого соединения авторства и актеров, театра и зрителей в общей поэтической увлеченности. Так было.

Ныне тоже трудится студия, которую в литературных и театральных кругах знают как «Арбузовскую». Она возникла пять лет назад и многим отличается от своей довоенной предшественницы: объединяет 20 молодых драматургов, заботится об их творческом становлении. Имена студийцев все чаще появляются на театральных афишах, некоторые уже приняты в Союз писателей. Но студия мечтает о своем «Театре дебюта».

— Пона молодой автор не увидел свою пьесу на сцене, — убеждает Алексей Ни-

колаевич, — он еще не драматург!

В общем, Арбузов попрежнему среди молодежи, отдаст ей много времени, сил, вдохновения. О студии говорит ласково и встревоженно: не все удастся, могли быть лучше условия работы... Право же, Арбузов — всегда Арбузов.

Об его драматургии написаны книги и объемистые статьи, тысячи рецензий, высказано немало пронзительного. Многие его пьесы вызвали споры, иногда ожесточенные, они то затухали с годами, то разгорались вновь. В результате открыстализовались безусловно справедливые мнения и... привычные, как мне кажется, заблуждения. Самое из них устойчивое — это уверенность многих ценителей, будто Арбузов непоколебимо предан мелодраме. То писателя его попрекали, то мело-

дик свободно ими распоряжается. Вводя в действие ту или иную драматическую ситуацию, призванную возбудить зрительские эмоции, Арбузов вместе с тем как бы соразмеряет ее с возможностью постижения глубинного содержания пьесы. Иными словами, он следует совету Чехова: эффекты не должны опережать мысль. Арбузовский стиль предполагает повышенную зрительскую чуткость, интеллигентность душевного отклика на изображаемые события, обязывает к отзывчивости на самые тонкие нюансы радостей и страданий сценических героев. Эмоциональная напряженность не мешает, а помогает нам выникать в душевные движения Тани, Ведерникова («Годы странствий»), Вали, Сергея и Виктора («Иркутская история»), Марата, Лики и Леонидика («Мой бедный Марат»), —

люди искусства

ОКНО В МИР

Вл. БЛОК

драматизм ему прощали, как якобы неотъемлемую принадлежность данного таланта: дескать, все-таки все жанры так или иначе хороши.

Между тем критики давно заметили, что Арбузов по своему продолжает чеховскую традицию, что его увлекает художественное исследование диалектики характеров, их развития. Чехов и... мелодрама! Как-то невообразимо это сочетание!..

Для разрешения загадки обратимся к Большой Советской Энциклопедии. Мелодрама — это «пьеса с острой интригой, преувеличенной эмоциональностью, резким противопоставлением добра и зла, морально-поучительной тенденцией». Неплохо сформулировано. Но при чем тут Арбузов? Острая интрига? Где же она в его пьесах? Преувеличенная эмоциональность? Эмоциональность несомненна, преувеличенную что-то не замечал. Резкое противопоставление добра и зла? Вот уж ничего похожего!

Арбузов одним из первых среди советских драматических писателей (еще А. Афиногенов) последовательно и безбоязненно позволил себе вторжение в потаенную область интимных человеческих чувств. Какие происходят с ними метаморфозы в новых социальных условиях? Как теперь проявляются «вечные» нравственные ценности? Для того чтобы найти ответы на эти вопросы в судьбах героев, драматургу понадобились диалоги с изысканием полутонов и емкостью подтекстов, простые драматические ситуации: встречи и расставания, горькие влюбленности и жестокие измены, досадные и безжалостные и даже беспощадные смерти. Все это, как представлялось некоторым, возвращало драматургию к ее канонам и заслуживало обвинений в «камерности», а заодно и в мелодраматизме.

И еще. В юности Алексей Николаевич был актером и, чутко восприняв законы театра, воинственно отстаивает их обязательность для драматурга: неряшливость композиции либо губит пьесу, либо, если она злободневна и содержит талантливые наблюдения, лишает ее долготелия.

Противники этого взгляда обычно выдвигают одни и те же возражения: жизнь богаче всяких правил, «законы» театра сковывают свободу творчества, становятся для него проклятым ложем, писать надо по велению сердца, не оглядываясь на всяческие каноны. Все это звучит подкупательно привлекательно, тем более что писать надо в самом деле по велению сердца, исходя из непосредственных наблюдений над современностью. И все-таки...

Разумеется, в искусстве невозможны трафареты. Суть здесь в другом. Ведь только ремесленник от драматургии всецело подчиняет себя законам драмы, худож-

сколько их, созданных Арбузовым людей, пришедших к нам как реальные образы нашего духовного мира...

Писатель возбуждает нас пристально всматриваться в те события, которые возникают по воле или вине действующих лиц. Даже в пьесах, захватывающих военные годы («Домик на окраине», «Годы странствий» и другие), ход стражей усиливает драматизм происходящего, но не исчерпывает его: оттеняется самостоятельность решений, принимаемых героями. Арбузов исследует прежде всего их ответственность за себя и за общество, в котором они живут.

Нравственный поиск — таково в общих чертах содержание почти всех пьес Арбузова. Его герои ищут свое место в обществе — то умеренно, то не вполне осознанно. При этом они, за редким исключением, даже в ту пору, когда ввергнуты в самую пучину заблуждений и оплошностей, не ведают таких пороков, как жадность, карьеризм, черствость души. Как бы ни огорчал нас тот или иной герой, мы, как правило, ощущаем в его душевном потенциале незрасходованные запасы добра и стремления к справедливости.

Нравственный поиск здесь не отделяет сугубо личные проблемы от общественно значимых. Ведь стоит задуматься о своем назначении на этой планете, как все серьезные вопросы сольются в один: «Как и зачем жить?» Постижением этой задачи на всю ее глубину одержимы у Арбузова молодые, в начале пьес лишь начинающие путь испытаний. Но в последние годы писатель приближает к аналогичным коллизиям возрасты, вызывающие обычно представления о почтенной стабильности взглядов. Драматург готов их опровергнуть: по его убеждению, переосмысление прожитого и достигнутого никогда не бывает запоздалым.

В цикле пьес, начатом «Сказками старого Арбата», подчас ясно слышатся идилические интонации. Иногда они, на мой взгляд, снижают драматическую эффективность — в пьесах «Вечерний свет», «В этом милом старом доме». Арбузов немного успокоился? Не верно! Просто он испытывает на прочность свой метод построения конфликта: до какого предела можно извести очевидную драматичность сюжета без ущерба для интереса зрителей к противоречиям внутренних побуждений героев?

В эти дни Театр имени Вахтангова завершил спектакль по его новой пьесе «Ожидание», над которой автор работает в течение десяти лет (с перерывами, конечно). А на его письменном столе — три новые начатые пьесы...

● Драматург А. Арбузов. Фото А. Евстигнеева.